

Пантый: сорок лет и зим

*Автор-составитель
Олег Угрюмов*

с. Яренск
2015 год

УДК 94(470.11)(081)

ББК 63.3(2Рос-4Арх-5Ленский)61-38.14

П 16

П 16 **Панты́й: сорок лет и зим** / авт.-сост. Олег Угрюмов. – Село Яренск [Архангельская область], 2015. – 62 с. : ил.

Агентство СИР Архангельской ОНБ

УДК 94(470.11)(081)

ББК 63.3(2Рос-4Арх-5Ленский)61-38.14

Панты́й – один из тех поселков-работяг Ленского района Архангельской области прошлого века, которые строились в 1930 году руками раскулаченных крестьян из Белоруссии, Украины, Поволжья. Потом эти «кулаки», как называли их, валили лес, растили хлеб, гибли героями на фронтах Великой Отечественной войны.

Многие, очень многие приняли здесь мученическую смерть от голода и болезней. Но и те, кто перенес все испытания, долго не могли считать себя полноценными гражданами государства...

© Угрюмов О.А., 2015

© Лит.-художеств. музей Яренской библиотеки

МБУК «Ленская межпоселенческая библиотека», 2015

© ООО «Коми республиканская типография»

Деревянные кресты Пантыя

Эта книга рассказывает о самом обычном лесном поселке, каких немало насчитывалось на севере нашей страны. Судьбы их схожи с человеческой судьбой. Они рождались, энергично отвоевывая у тайги метр за метром и занимая их поставленными на скорую руку постройками. Крепли коллективы, состоящие из собранных по оргнабору чуть не со всей страны людей. Рубили лес, сплавляли его по рекам, получая за выполнение планов переходящие красные знамена, и всем казалось, что устоявшийся за эти годы порядок будет незыблем.

Но с годами лесные делянки отдалялись от человеческого жилья все дальше, все меньше оставалось лесных участков, годных для заготовки древесины, вся тяжелее доставался кубометр. Подкрадывалась старость: она проявлялась не только в домах, которые ветшали за эти годы – уезжали в поисках лучших мест работники помоложе. Пустел поселок, ослабевал, оставшись без работы. Минует еще десяток-другой годов – зарастут кустарником и молодым леском дворы, где когда-то кипела жизнь.

От Пантыя (это название прежние жители поселка произносили на свой манер – «от Пантов») остались два старых и полуразвалившихся барака на берегу Яренги. Да еще затерянное среди сосен обширное кладбище с упавшими на землю, а то и сгнившими на ней деревянными крестами, каждый из которых – своя судьба, если не прикоснуться к ней, уйдет в беспамятство. А возврата оттуда нет. Но еще многое помнят бывшие жители поселка, их воспоминания и составили эту книгу.

Пантый – один из многих северных поселков-работяг прошлого века, разве что отличается он от других своей трагической судьбой. Мы до сих пор не знаем, сколько человеческих жизней приняли здесь мученическую смерть от голода и болезней. Да и те, кто остались жить, кто пережил страшные испытания тридцатых годов прошлого века, долго не могли считать себя полноценными гражданами государства.

В январе 1930 года было принято печально известное постановление ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», им было положено начало невиданному в истории государства принудительному расселению огромного количества населения. Только в Северный край (в него входили нынешние Архангельская область, Республика Коми и часть Вологодской области) к середине апреля было завезено 45 тысяч семей спецпереселенцев. «К осени текущего года предполагается довести до 75 тысяч семейств, – сообщалось в докладной записке Северного крайисполкома, – или 375 тысяч человек, что составит 17 процентов всего сельского населения края».

О масштабах этого процесса в Ленском районе можно судить по таким данным: только в июне 1930 года сюда баржами по Вычегде было завезено 7115 человек. Это были женщины, старики, дети, которые дожидались начала навигации в пересыloчном лагере Макариха близ Котласа. Но до них, еще весной, на места строительства будущих поселков прибыли из Котласа первые пешие этапы спецпереселенцев. «Пантый – работа началась с 5 апреля, – сообщал 10 апреля 1930 года начальник строительства Журавлев, – работает на строительстве 196 человек. 5–6 апреля произведена расчистка и проминка дороги от места постройки до леса на расстояние 2 километра».

Район, как и весь Северный край, оказался не готов к размещению такого количества населения. Строительство велось медленно, к осени поселки были не в состоянии принять всех, люди теснились на дощатых нарах, заполняя все свободные места в бараках. А в район прибывали новые партии спецпереселенцев. К февралю 1931 года в Пантые и трех ближайших с ним поселках проживало 1071 человек, 277 из них – дети. Уже к марту того же года их численность выросла до 1450 человек.

Скученность переселенцев в бараках, отсутствие элементарных условий жизни, тяжелый труд, скучный продовольственный паек очень скоро привели к трагедии. Она разразилась в начале 1932 года, когда резко ухудшилось положение со снабжением продуктов питания и обострились эпидемические заболевания. Только в августе 1932 года по официальным данным в Ленском районе умерло 764 спецпереселенца. В это число не включались те, кто бежал из поселков, а ведь для большинства убежавших, ослабленных голодом и тяжелым трудом, поступок такой приводил к неминуемой гибели. «...отмечается повсеместная полная голодовка, вызывающая массовое истощение, – говорилось в сводке по Северному краю 25 апреля 1933 года, – рост преступности, ...развитие бродяжничества по деревням в поисках продовольствия и неуклонный рост бегства. Массовый характер принял употребление в пищу суррогатов (опилки, мох, древесная кора) и падали (павших лошадей, кошек, собак). Отмечается один факт людоедства». Только с весны 1933 года положение, в первую очередь со снабжением поселков продуктами питания, начинает улучшаться.

Весной и летом 1932 года в поселках переселенцев созданы неуставные колхозы, в Песчаном он стоял в четырех километрах от Пантыя, образована неуставная сельхозартель «Новый путь». Развивать сельское хозяйство, находясь в окружении тайги, было делом непростым, однако хозяйства быстро набирали силу. В 1938 году неуставные сельхозартели были переведены в положение уставных, объекты социально-бытовой и культурной сферы переданы с баланса НКВД в ведение местных Советов. Положение самих спецпереселенцев при этом оставалось прежним: в спецпоселках действовали комендатуры, жители были лишены права покидать место своего жительства.

Основным занятием спецпереселенцев были лесозаготовки. К середине тридцатых годов их имена все чаще встречаются в числе передовиков, районная газета «Ленский колхозник» от 16 августа 1936 года называет имена лучших лесорубов из поселка Пантый: Степан и Анисья Ковзан, Эрик Бенгардт, Карл Козловский, Ангелина Маркевич. Встречаются имена спецпереселенцев среди руководителей среднего звена Ленского леспромхоза, в числе восьми окончивших курсы младших десятников трое спецпереселенцев – С. Парай, С. Манчинский и И. Словецкий. Приказом по Ленскому леспромхозу от 21 марта 1936 года П.И. Пшенко был назначен на должность заведующего Мадмасским лесопунктом по лесохимии, с 31 августа 1937 года стал работать мастером леса на Мало-Кижмольской тракторной базе Н.А. Сезин.

А в поселки поступали новые этапы, были они в 1935 году, а в начале 1940 года после раздела Польши сюда привезли семьи польских спецпереселенцев. После окончания Великой Отечественной войны в Пантый прибыл эшелон немецких репатриантов (они были увезены в Германию, после освобождения их вместо родины увезли на Север).

С уходом на фронт, а спецпереселенцев стали призывать только в начале 1942 года, как новобранцы, так и прямые их родственники получали паспорта и снимались с учета поселений. Это привело к тому, что поселки стали пустеть: к весне 1943 года в Пантые проживало 64 семьи (197 человек), на участках Вежай и Байдыгокты – 98 (221). Об условиях жизни в девяти поселках спецпереселенцев можно судить по выдержке из доклада комендатуры Ленского района за второй квартал 1943 года: «...имеет место случай смертности от истощения, а также заболеваемость – от недоедания пухнут. Дети и иждивенцы от столовой откреплены, последние окромя 400 гр. хлеба ничего не получают. В апреле-июне 1943 года в поселках района родилось 2 человека, умерло – 39. За это время бежало из мест поселения 13 человек».

Спецпереселенцы немецкой национальности в армию не призывались, они направлялись в рабочие колонны. Немцы-трудпоселенцы из Ленского района в 1991–1993 года работали на строительстве железнодорожного моста через Северную Двину в районе города Котлас.

В областной Книге памяти, куда занесены имена павших на полях сражений, фамилии коренных жителей соседствуют с теми, кто был причислен к «кулакам». Младший лейтенант Антон Манчинский из поселка Пантый погиб в августе 1943 года в Харьковской области, его брат Иосиф дошел с боями до Берлина, не дожил до Победы всего две недели.

Восстановление спецпереселенцев в правах проходило медленно, государство не спешило освобождать тех, кого оно «для исправления» силой выдворило из родных мест, поместило в необжитые края. Возникали опасения по поводу того, что начнется массовый отток рабочей силы: бывшие «кулаки» пожелают вернуться туда, где когда-то жили и где конфискованное у них

имущество стало колхозным. С 1941 года правовой их статус определен следующим образом: «...являются гражданами СССР без права выезда с мест поселения». И даже приближение Победы в этом статусе ничего не изменило: в постановлении Совнарком СССР от 8 января 1945 года говорилось: «Спецпереселенцы не имеют права без разрешения коменданта спецкомендатуры НКВД отлучаться за пределы района, обслуживающей этой комендатурой. Отлучку рассматривать как побег».

Только Постановлением Совета Министров СССР от 13 августа 1954 года «О снятии ограничений по спецпоселению с бывших кулаков и других лиц» эта категория населения государства получила право свободно передвигаться по стране. Жители Пантыя, как и других поселков, начинают уезжать с Севера, кто-то выбрал своим местом жительства Молдавию, кто-то обосновался в поселке Жешарт Республики Коми. Но многие остались жить на этой земле, которая была так сурова к ним.

Колхоз в Песчаном был преобразован в подсобное хозяйство Ленского леспромхоза, которое затем было переведено в Тохту. Очейский лесопункт в начале семидесятых годов из-за истощения лесосырьевой базы перебазировался в поселок Мирный (Очея). На месте поселка была образована исправительно-трудовая колония-поселение. В настоящее время здесь никто не проживает.

Историей Пантыя, крупнейшего в районе населенного пункта, где жили спецпереселенцы, одним из первых заинтересовался школьный туристический клуб «Поиск» (руководители Н.Е. Ильин и О.А. Угрюмов). Участники его, яренские школьники в конце девяностых годов прошлого века ходили в экспедиции, встречались с бывшими спецпереселенцами, записывали их воспоминания (часть их вошла в эту книгу). Их дело продолжили нынешние школьники, которые тоже ходят в экспедиции и занимаются изучением истории спецпереселенцев в Ленском районе. Они поставили своей целью установление памятных знаков в местах, связанных с судьбами спецпереселенцев.

Один из таких памятных знаков, на русском и польском языках, установлен летом 2014 года на месте, где стоял поселок Пантый.

Материалы о судьбах спецпереселенцев публиковались в областной газете «Правда Севера», в 2006 году с ними познакомилась аспирант Сорбоннского университета (Париж) Элен Мондон, которая в то время работала в архивах Вологды, Сыктывкара, Архангельска над диссертацией «Первые сталинские «спецпереселенцы» и их судьбы на Европейском Севере СССР (1930–1948)».

Элен не впервые обращается к теме крестьянства на Севере нашей страны. В начале этого века во Франции выпускалась серия книг о России, первая из них содержала в себе «Колымские рассказы» Шаламова и «Письма русских крестьян накануне коллективизации» в переводе Элен Мондон, тогда еще студентки Сорбоннского университета.

Несколько раз Элен приезжала в Ленский район, встречалась с бывшими спецпереселенцами, в том числе и поселка Пантый, и записывала их воспоминания (они тоже вошли в эту книгу), работала с материалами клуба «Поиск». Защита диссертации проходила в 2011 году, комиссия дала ей высокую оценку.

— Один из историков высказал мне замечание, — рассказывала доктор наук Элен Мондон, — он сказал, что работа написана как бы на двух языках. Когда речь идет о деятельности органов НКВД, о правительственные документах, язык сух и беспристрастен. Зато при описании судеб людей очень чувствуется неравнодушие автора.

Название поселка Пантый давно исчезло с административной карты Ленского района. Но память о нем, сохраненная совместным трудом, память о судьбах тех, кто осваивал эти края, кто здесь жил и страдал, будет жива. Мы очень надеемся на это.

В рассказе Марии Игнатьевны (встречались с ней девчонки из клуба «Поиск» Света Ядовина, Катя и Юля Угрюмовы) поразило то спокойствие, с которым рассказывала она о самых драматических моментах своей жизни. А порой даже словно сама посмеивалась над собой: вот ведь недотепа какая, чуть не погибла было...

Мария Игнатьевна ПРИЛУЦКАЯ, 1911 года рождения, с. Яренск: «Пантый, 2 апреля 1930 года»

Мы приехали сюда из Витебской области. Там жили на крестьянстве, занимались хозяйством, работали день и ночь. Отец умер в двадцать девятом году, брат стал хозяином дома, потому что мама больная была. Был в нашей семье еще один брат, он погиб в гражданскую войну, в двадцатом году. Когда к нам пришли поляки, его взяли на войну, а потом извещение пришло, что он погиб. Была еще сестра, она умерла.

Так мы вчетвером – мама, брат, нас две сестры – и жили до тридцатого года.

Первым арестовали, безо всякой причины, нашего брата. Мы знали только, что он сидел в районной тюрьме, а потом его отправили в Полоцк. А вот куда из Полоцка девался – ничего не знаем. А в тридцатом году, в марте, к нашему дому подогнали конную повозку, выгнали нас из дома, посадили на нее и увезли на станцию. Из дома нам почти ничего не дали! Все описали, говорят:

– Это теперь не ваше, теперь это вам не принадлежит.

Отвезли нас на железнодорожную станцию. Там погрузили в поезд, по сорок человек в небольшой телячий вагон. Около двух недель были в пути: пятнадцатого марта нас посадили на поезд, а второго апреля мы уже с Котласа пешком пришли в Пантый.

Пока ехали в вагонах, нам приносили какую-то еду: на остановке поезда в вагон принесут, во что-то разольют. Ну и с собой, конечно, что-то было. Мы сумели, когда нас отправляли из дома, выпросить мешок сухарей-то на дорогу да мяска немного.

Прибыли в Котлас, в лагерь на Макарихе. Там остались семьи, а нас, рабочую силу, собрали уже назавтра после приезда и сюда погнали. Таяло крепко, снежница под ногами, ноги, знаете ли, все в воде. Мы шли по Вычегде, дорога проходила прямо по льду. Сапоги разорвались у меня, так ноги мерзли. Я едва добрела.

Нас много было. Гнали по два человека в ряд, так мы на целый километр тянулись. Кого в Уктым гнали, кого в Пантый. А кого в Ледню, там тоже поселок был.

Мы проходили километров тридцать или сорок в день. До деревни дойдем, там ночевали у людей. Так впереди нас ехал милиционер на коне верхом и предупреждал:

— Не пускайте, не пускайте в деревню! Это звери, убийцы идут!

А мы как останемся ночевать, молодежь как познакомится с нами, так не отпускает:

— Оставайтесь с нами!

Понимаете? Так прямо плачут, кто молоко несет, кто что. Ой, как встречали, прямо не знаю! Очень хороший здесь народ, на Севере, такой душевный был.

Такого, чтобы в дороге кто-то умирал, не было, потому что молодые все были. Это уж потом нам рассказывали — те, кто после нас шел, так и оставались на дороге лежать. Но дорога трудной была. Болели некоторые. Мне тоже плохо стало, так те, что шли со мной, под руки меня довели до следующей деревни. А как туда пришли, молока купили, вскипятили и напоили меня:

— Как-нибудь крепись, где ж ты тут останешься?

И вот так назавтра и дошла. До Яренска.

Как конвой к нам относился? Не скажу, чтобы плохо. У нас же молодежь послушная была, никто не задирался и ничего вредного не делал. К чему они будут придираться? Надо сказать: милиция и НКВД лучше к нам относились, чем свои же, палочники. Такие, знаете, каких покупали за буханку хлеба. А милиция, НКВД — не было никаких грубостей, издевательств, потому что люди были очень покорные. Шли послушно.

В Яренск пришли первого апреля. Здесь переночевали. Новоселов такой был, у него флигель построен, еще никто в нем не жил. Нас там поместили. В баню сводили. Вот здесь, где Зубовы живут, Боря да Витя, была казенная баня. По два ковшика горячей водички дали на человека: мойтесь. И уже назавтра погнали в поселок Пантый. Хлеба дали на дорогу, пятьсот грамм на день. За день дошли до Пантов, а это, считайте, сорок пять километров.

* * *

Вечером поздно уже мы идем, темно. И думаем: когда ж деревня покажется? Смотрим: огонек, как будто из-под земли виден. Оказалось, что небольшой барак, там до нас лесозаготовка велась местными жителями. А для нас были приготовлены... даже не бараки, а шалаши, из сосновых лапок построенные. Представляете такой шалаш? Как у охотника: поставлены палки, сверху накрыты елочками.

Лес и лес, ничего больше там не было.

От того барака вверх по реке Яренга километра три, наверное, поселок начали закладывать. Сначала надо было раскопать туда дорогу. Начало апреля, глубокий снег был! Дорогу сделали, надо раскапывать от снега квадраты для домов. Стали лес рубить. Сначала на лошадях бревна возили, а потом, когда все растаяло, на себе тяжеленные бревна таскали из лесу. Сплав по Яренге начался, нас туда отправили. Так нас два дня и три ночи с каташа не отпускали, потому что надо было скорее все бревна в реку скатать. Так устанем, что сядем одна к одной, вздремнем.

— Эй, давай поднимайся, вставай! — Десятник с криком летит.

Ой, тяжело было очень, да еще без привычки. Но терпение и сила откуда-то бралась.

А ведь голодные были. Ну что же это — пятьсот граммов хлеба да ложечка крупы! Сахару вот такой малюсенький кусочек давали, представляете? Летом насобираем щавель и варим. А еще, знаете, чего мы делали? Смородины насобираем, много-много листьев, и густой навар сделаем. Вот эту жидкость и пили, потому что надо было чем-то желудок наполнять. Осенью наломаем рябины, приходим с работы, у печки греемся и с таким аппетитом ее едим. Однажды в июне было так холодно, что даже выпал снег. Много птичек подохло. Так украинцы подбирали их, надевали на палки, жарили на костре и ели. А вот мы не могли птиц есть, — мы лучше насобираем щавеля.

Среди наших переселенцев всякие были люди, даже латыши были. Вот Карл Карлович был, фельдшер. Но никакой вражды не было, и с евреями хорошо, и со всеми очень дружно жили.

Своими руками первый барак построили. Все в нем и размещались. Нары сделаны, сырье, в чем работаешь, в том на них и ложись. Сушки не было, вся одежда на себе сохла. Бани тоже никакой не было. За рекой стояла избушка, и там был котел. Мы один раз сходили туда. Думаем, помоемся. А медведь пришел, разрыл эту избушку, все наше уничтожил, мы сами чуть не попались.

Почти все лето мы там и прожили. Пантый строили, дорогу до Яренска в тайге разрубали, мосты на ней ставили. А когда сделали дорогу, в середине лета, отправили меня в другой поселок. В Уктым. Это еще двадцать пять километров от Пантов. Туда отправляли таких, у кого не было близких, кого не было кому защитить.

Пришли в Уктым. Первым делом построили себе шалашик, жить где-то надо. Угор был высокий, выкопали небольшое углубление, поставили палки, нарвали коры березовой, чтобы песок на нас сверху не сыпался. Вот и весь наш «дом»! Втроем в нем жили: одна девушка, ее мать и я. Делали кирпичи из глины, обжигали, потом все это на поселок увозили. Дрова из лесу целыми днями носили, такие тяжелые, как шпалы, сырье.

Осенью, когда стало очень холодно, мы попросили железную бочку. Затащили ее в эту яму, выбили одну дырку, куда дрова можно было класть, сверху сделали вторую дырочку, чтобы дым выходил. Натаскаем сухого хвороста и кладем в эту бочку всю ночь понемножку. А сами сидим около нее, потому что морозы уже были сильные.

Потом меня перевели в сам поселок Уктым, там к тому времени уж было построено сколько-то бараков. А семьи с Котласа привезли — все занято. С трудом место нашла. И в первую же зиму — тиф сырной! Во всех поселках! Мокрые с работы приходили, ни обогреться, ни обсушиться. Нарывы пошли

по нам от простуды. Вшей было, так это ужас, хоть лопатой их греби! Народу столько умирало, что, знаете, и на дороге, и в лесу, и в бараке умирали и тут же оставались лежать. Жутко!

Фельдшера сначала не было. Потом уже, когда поселок построили, фельдшер появился и хоть какая-то больница. А кормили: паек продуктовый санитарка получит, в ведре сварит пойло такое, знаете, рыбки кусочек да пшена немного бросит... Вот так.

* * *

В Уктыме я жила, пока тифом не заболела. А как получилось? На возку древесины меня поставили. Вот привезла бревна к реке на катаще. Наши вальщики были пожилые мужики. Свалили бревна, говорят:

— Что ты, девка, на тебе же лица нет! Иди, погрейся.

У них костер. Я пришла, у меня рукавичка теплая с руки спала, а я даже не чувствую. Была еще перчатка. Я стащила ее, а у меня эта рука даже блестела, так пальцы замерзли. Они как стали руки растирать, я и сознание потеряла.

А что делать, им нельзя работу оставлять? Были такие сани: спереди колода, сзади колода, на них бревна вывозили. Они положили меня на колоду, привязали. И пустили лошадь. Лошадь пошла-пошла и в конюшню пришла. Конюх-то потом рассказывал: вышел, смотрю, женщина привязана. Думал, что мертвая. Нет, живая.

На поселке был фельдшер, даже не фельдшер, а ветеринар. У всех тиф, а он одно говорит: грипп да воспаление легких, грипп да воспаление легких...

Ко мне подошел, пульс пощупал, померил температуру:

— Сорок один! Мортис!

Умирает, значит. А я память не теряла, так тихонько отвечаю:

— Сам ты мортис!

И выжила! Ой, я никогда духом не падала!

Когда после болезни выписалась, то оказалось, что идти мне некуда, место мое в бараке уже заняли. Сижу на пороге барака и плачу. Приходит комендант:

— Ты чего плачешь?

Коменданты и в Уктыме, и в Пантах разные были. Ничего плохого про них не скажу, меня ни один не обижал. Я с ними не спорила, всегда подчинялась, и они со мной были по-хорошему. Говорю:

— Вот видите, выписали, а куда мне идти?

— Подводы едут в Яренск, — говорит, — собирайся, уедешь.

Уже был январь тридцать первого года. Привезли меня в Яренск, тут жили и мама, и сестра. Кто что имел, тащили, старались меня накормить. И я, знаете, поела досыта, и у меня — возвратный тиф. Я чуть не умерла, так долго и тяжело болела. Рука стала гнить, страшная такая стала. Мне хотели операцию сделать, отнять руку. Я не дала, говорю:

— Как я буду на гитаре играть?

А я на гитаре играла. Уже потом, гораздо позже, в больнице струнный оркестр организовала, в Доме пионеров музыкальный кружок вела. У нас в семье братья и сестры учились в гимназии, все играли хорошо. Слух у меня хороший, когда потом в Доме пионеров преподавала, надо какую-то новую вещь разучить, я заведующей говорю: вы мне пластинку прокрутите. Мандолину в руки возьму, разучу.

Так и не дала руку резать. И, видите, зажили пальцы, короткие да уроды все.

* * *

В Яренске больных тифозных тогда очень много было, из поселков, деревень соседних привозили. Сестру мою, она уже переболела здесь тифом, взяли работать завхозом в больницу. Она бельем, питанием распоряжалась.

Деревянная церковь в Яренске стояла, там человек восемьдесят сыпнотифозных лежало. Умерших хоронили на кладбище, где попало валили. Когда у меня мама в Яренске умерла, стали ей могилу копать. Только немножко копнули — женщина лежит закопанная, прямо наверху. Не стали и трогать, пошли на другое место.

И в других поселках, что Пантый взять, что Уктым, там же переполнены были кладбища. Переполнены! В Пантах же там, ой-ёй-ёй, какое большое кладбище, очень много народа лежит. Как уж хоронили их тогда, этого не знаю. Потом-то, когда второй раз в Пантый попала, то уже по-настоящему хоронили. А в первое-то время там чуть не под каждым кустом какой-нибудь закопанный был. Везде... Да и позже, когда в Яренске мы возили дрова в леспромхоз и служащим, поедешь на луг за дровами, покойники часто-часто попадались по дороге. Там покойник лежит, там покойник... Прямо ужас! Один на дороге сидел, опухший такой, тут же и умер. Вот так умирали люди от голода...

Были, которые из Соловков сюда привезенные. Вот Добряков, священник, на Первой улице жил. Его на Соловки выслали, а потом опять в Яренск отправили. Опять арестовали, уже в тридцать седьмом году. И неизвестно, где он погиб. Хороший был: и окрестит, и повенчает — все без всяких денег.

Поправилась, а раз не работаю, то и пайка нет. Как жить? А врач был Рудаков, военный врач, ой, какой хороший человек! И жена у него работала врачом. Потом, когда война началась, его и второго хирурга Петрова взяли на фронт. Он говорит моей сестре:

— Пусть она придет сюда, я поговорю с санитарками. Они днем пол вымывают да за больными постель перестелют, а она каждую ночь будет следить за больными.

Кому пить надо дать, кто умирает, надо раздеть — вот это мое было занятие. Потом народу меньше стало тифом болеть. Всех больных из церкви перевели в городскую больницу, меня отправили в хирургическое отделение операци-

онной санитаркой. А в июне пришли палочники прямо в больницу, схватили меня и угнали на работу в Пантый.

Не знает, кто такие палочники? Вот уж те звери были, жалости не знали. А ведь из наших же спецпереселенцев были набраны. Это были те, которые вокруг десятников да начальства крутились. Их посыпали из поселков в Яренск: ловите тех спецпереселенцев, кто уехал и не захотел назад возвращаться. Вот они и гоняли нас. Ловили, иногда били. И всех гнали работать в лес. Меня-то они долго не смели взять: я уже по разрешению райкоменданта работала. Врач для меня такое разрешение выпросил. Районный комендант по-человечески к нам относился, но распоряжение было: всех спецпереселенцев в лес забирать. Нельзя было не в лесу переселенцам жить.

Угнали меня в Пантый. Там уже большой поселок из бараков строился. Работала там, потом на другой лесопункт угнали, целую зиму лес рубили с одним парнем с нашей же местности. Как же тот лесопункт назывался-то?.. А-а, Чёжпаж. В домах, где тогда семейные жили, не пришлось быть. Не знаю, какие они были. Для тех, кто без семьи, общий барак стоял: нары, на них и женщины, и мужчины жили. Люди раньше не такие были, как нынче, крепкие были морально.

Никакой спецодежды не выдавали. Своя одежда была. За работу давали по пятьсот граммов хлеба да столовую ложечку крупы пшена. Что еще? Сахару малюсенький кусочек иногда дадут. Вот и все.

К весне никаких сил не осталось. Ушла в Яренск. Районный комендант разрешил мне здесь жить, а на работу меня взяли в леспромхоз, к тому времени конный обоз здесь построили, лошадей было много. Взяли возчиком. А когда в 35-м году привезли в район новых спецпереселенцев, я возила их и в Пантый, и в Уктым. Им тоже пришлось нелегко, но все ж легче, чем нам: их уже привозили в готовые дома. А мы все сам строили.

Один раз ко мне на телегу все-то вещи попали уктымские. Поехали втроем: два парня, один на одной лошади, другой на парке и я тоже на парке. Это было в конце сентября. Доехала до Уктыма, пришлось ждать, пока дождь хоть немного перестанет.

Поехали мы обратно через три дня, три дня не могли выехать. Доехали с теми же парнями до реки. А в Пантах Яренгу переезжали вброд, и такая на ту пору поднялась вода большая! Как переправляться? А у нас же на родине реки не было, я и понятия не имела о ней. Погода стоит: холодный ветер да дождь чуть не со снегом.

Ехать надо. Я доску положила на телегу посередине, чтоб повыше было. Села. Доехала до середины реки, у меня лошади-то стали захлебываться. А быстрое такое течение, страшное! Телега опрокинулась, и я оказалась в воде. Ноги почти не достают дна. Утонем, и помочь некому! Ухватилась за вожжи крепко. Поморите-ка, догадалась телегу за колеса перевернуть обратно, а сама держусь только за дышло. Перевернула телегу, лошади - на берег. И меня вытащили.

У меня и полушибок утонул, и сапоги, и платок, потому что когда садилась, все с себя сняла. Думаю: если уж придется на реке с телеги упасть, то все, не выбраться из воды, тяжело... Осталась в ситцевом платье, тоненьком-то-неньком. Вышла на берег, вся вот так дрожала. Выехали от поселка на бор, развели костер и стали греться-сушиться. Долго сушились, потом поехали до Яренска. И пока доехала – а это сорок пять километров! – так закоченела, что не могла даже слезть с телеги.

А мама с сестрой жили тут, под берегом избушечка была. Я лошадь поставила, прибежала греться. Согрелась, только потом лошадь погнала на обоз. И не заболела даже!

* * *

Однажды в Яренске ждали, что прилетит на самолете начальство какое-то высокое. И вот им понадобился оркестр. Здесь был до этого духовой оркестр, Добряковы парни его организовали. Но потом их взяли в армию, он распался. Решили собрать наших, переселенцев, кто на музыкальных инструментах играет.

Посылают за мной палочника.

– Тебя вызывает, – говорит, – начальник НКВД, иди.

Иду и боюсь. Думаю: сейчас в лес отправит. А это было летом, в июне. Он сидит в милиции внизу на окне и смеется:

– Почему без инструмента идете?

– А какой надо инструмент?

– Гитару.

И это на меня такое впечатление произвело, что я даже подпрыгнула. Он захохотал, глядя на меня.

Левин, работал в ОРСе бухгалтером, тоже переселенец, он на скрипке хорошо играл. Был Гирса, Скоробогатова... Я уже и забыла кто еще-то. Много было из спецпереселенцев, человек пятнадцать. Ведущим у нас был Олег Николаевич Тяпугин. Он нами командовал, а его брат играл на мандолине. Мы организовали струнный оркестр и ходили на берег реки встречать самолеты с начальством. Играли им здесь, пока они выступали на плацу. Они шли в столовку, там им играли. Вечером они в кино пошли, мы и там им играли. А как задумает НКВД нас вечером в воскресенье собрать, вызывали всех к себе домой. И там у них играли.

Нам НКВД сказало, что играть. В основном марши мы разучивали, играли революционные песни, вальс «Дунайские волны» и польки всякие, много-много чего. В клубе выступали, ездили в Лену, в Ирту. Нас из Архангельска проверять приезжали, наградили кружок наш почетной грамотой.

Скучать не приходилось. Хоть и были тяжелые дни, но в молодости это все как-то легко принималось. Как вечер, жены начальников НКВД к нам приходят, потому что мы с мамой и комбинашки вышивали, и платья, и кофточки,

и мужские рубашки. Поднесут и хлеба, и селедочки. Относились к нам очень хорошо. А районный комендант, если со мной встретится, всегда спросит:

— О, это наш гитарист! Как живешь?

Мы в первый год войны переехали в поселок Яреньга, там лет десять жили. Там же нам объявили и о том, что мы реабилитированы. Кто-то уезжал на родину. Но поумирало больше, уехало-то немного. Мы остались, потому что там, где мы жили, все уничтожено. Рассказывали, что в войну немцы окружили соседнюю с нами деревню и всю сожгли. Это было в километре от нас! Если бы мы были там, не уцелеть, нет, потому что когда в двадцатом году была гражданская война и были партизаны, самое убежище их у нас было. И кормили, и помогали, и спасали от поляков. И теперь так бы было, первых бы убили. Это, может, бог так дал, что вывезли оттуда.

А здесь мы уже прижились. Свой домик: из Пантов сушилку перевезли совхозную, муж приплывил, чуть не утонул. Да тут, на Обозе, почти все дома из спецпоселков ввезены.

* * *

Вот вы спрашиваете, что тяжелее было выдержать: морозы или голод? И морозы, и голод. Но больше — голод.

Встаешь утром, я еще в Пантах работала: вечером дадут хлеба пятьсот граммов, разве выдержишь, чтобы не съесть? Утром встаешь: нет ничего... Мы с Антоном Кураго на пару пилили. Вот придешь, надо обтоптать это бревно, кругом снег отгрести, подрубить. Потом он поперечной пилой спилит. Надо обрубить сучки, раскряжевать и все потом скучить. Все мы делали. Не знаю, откуда сила бралась, не знаю.

Никогда я духом не падала. В Пантах жили, нас заставили делать ледник. Его льдом набивали, и палочники туда садили провинившихся. Девки плачут. Пришел гармонист, такой страшный-страшный. Играет на гармошке, слону распустил. А я сзади его, знаете, так выплясываю. Вот, говорю, девки, сейчас будем тут плясать на леднике. Девки качаются со смеху.

Духом никогда не падала, никогда! И ни с кем не задиралась. Все по-хорошему жила. И не обижаясь ни на кого. Обиды не осталось никакой. Никакой! Что поделаешь, что кому судил бог, тот от того не отойдет.

Записано 24 июля 1998 года.